

18+ Макс Рашковский

ИЗРАИЛЬ В ДУШЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ЕВРЕЯ

Макс Рашковский Израиль в душе русскоязычного еврея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697118

ISBN 9785005305824

Аннотация

Быть евреем, но с детства говорить по-русски; быть талантливым, но не находить применения своему дарованию; разбираться в политике – и видеть ошибочные решения руководителей, на которых невозможно повлиять... Казалось бы, всё это – поводы для стресса. Но пронизательный авторский взгляд способен даже в таких стрессовых ситуациях уловить философскую глубину и извлечь из неё подлинную житейскую мудрость. Следуйте за автором по историческим путям и детективным перипетиям сюжета.

Содержание

Предисловие	5
1. Жид пархатый	7
2. Плавильный котёл	17
3. Тяжкий грех евреев	28
4. Нация	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Израиль в душе русскоязычного еврея

Макс Рашковский

© Макс Рашковский, 2021

ISBN 978-5-0053-0582-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Моё раннее детство в одесском дворе крепко запомнилось мне, поскольку нашёлся дворовый хулиган, отличивший меня по национальному признаку. Я долго не понимал, почему он выбрал именно меня, поскольку во дворе бегали и другие еврейские дети. По-видимому, моя внешность благополучного маменькиного сынка располагала к этому. Помню, как это было больно, и как эта боль породила недетские вопросы в моей детской голове. Взрослея, я находил ответы на некоторые из них, но появлялись новые вопросы, и число вопросов ещё долго превышало число ответов.

Я много читал, и в моей душе поселилось множество литературных образов. Точно не помню, когда это случилось, но у меня начались явления образов библейских, образов Фейхтвангера, Шолом-Алейхема, Бабея. Я беседовал с ними, задавая вопросы и получая ответы. Постепенно, из этих бесед нарисовалась логически стройная картина, и эта картина мне понравилась. Когда я репатриировался, картина пополнилась израильскими впечатлениями. Я скромно подумал, что такая картина может понравиться ещё кому-то. Так появилось первое желание писать. Я долго сопротивлялся этому желанию, понимая, что обреку себя на кропотливый и неблагодарный труд, и всё же начал эту работу, поверив словам классика, что писать так же, как и, простите, пи́сьать

нужно тогда, когда уже не можешь.

1. Жид пархатый

Бытовой антисемитизм – отвратительное явление, но особенно страшно, когда оно ранит детскую душу.

В память врезались мне ощущения в шестилетнем возрасте. Была война. Завывала сирена воздушной тревоги. Мама хватала меня на руки, быстро одевала и спешно несла во двор. Бомбоубежища не было, люди толпились в парадном подъезде. Через решётку над входной дверью наблюдались яркие вспышки в ночном небе, и кто-то рядом сказал: это стреляют зенитки по вражеским самолётам. Затем память рисует картину у морского причала. Широкий качающийся дощатый трап перекинут с берега на борт небольшого судна, по нему разношёрстной непрерывной толпой бредут усталые люди. Хорошо помню женщину, которая из последних сил тащила огромный чемодан, потом, видимо отчаявшись, тут же на трапе раскрыла его, взяла несколько вещей самых необходимых, и толчком ноги сбросила чемодан в воду. Мы долго плыли на этом кораблике и, наконец, переселились в теплушки товарного поезда. Ехали целую вечность, и в поезде я, кажется, тяжело болел. Из этого путешествия в памяти сохранилось только постоянное ощущение голода.

Место, куда мы приехали, показалось очень странным. Люди разговаривали на непонятном языке и поголовно носили тубетейки – маленькие шапочки, украшенные вышив-

кой. Солнце палило нещадно, через какое-то время я сильно загорел и уже не отличался от тамошних ребяташек. Эти ребята оказались общительными, и с ними я быстро нашёл общий язык, причём их узбекский язык я усвоил мимоходом без усилий.

На всю жизнь запомнилось происшествие, случившееся со мной и моей няней. Да, у меня была няня. Звали её Маша. В довоенной Одессе, через год и десять месяцев после моего рождения, Маша домработницей пришла в наш дом. Тогда это была ещё совсем молодая женщина. Она приехала из деревни, где у неё после неудачных родов умер ребёнок, а затем ушёл муж. Накопившиеся материнские чувства она выплеснула на меня. Она оставалась членом нашей семьи до конца своей жизни, это была её семья. И вот однажды я стал обладателем двух рыболовных крючков, которые тогда были большой редкостью. Соорудив удочку из длинной палки и прочной нити, я собрался ловить рыбу в быстрой горной речке, протекавшей неподалёку. В таких походах меня всегда сопровождала няня. Я устроился с удочкой, видимо, не в том месте, потому что рыба не клевала. Примерно через час рыбалка мне наскучила, было жарко, и я решил искупаться. Речка была быстрая и холодная, плавать я не умел, поэтому, судорожно цепляясь пальцами ног за каменное дно, осторожно передвигался на более глубокое место. Сердце моё колотилось, неприятно сжимаясь от страха, но какая-то неведомая сила тащила меня дальше. Внезапно

дно под ногами исчезло, меня закружило течением и понесло вниз. Кажется, я успел крикнуть и с головой ушёл под воду. Всё дальнейшее я помню плохо. Рядом оказалось взрослое человеческое тело, нас кружило какое-то время, потом мы застряли. В полусознательном состоянии я почувствовал, как меня тащат под руки. На берегу под солнышком я окончательно пришёл в себя и увидел рядом мокрую няню, которая руками отжимала подол юбки. Не умея плавать, она бросилась за мной в эту проклятую речку, и тогда я подумал: как же предана мне моя няня. «Тилькы мами ничёго нэ ка-жы», – сказала няня по-украински.

После этого случая моя жизнь потекла без особых приключений. Вскоре настал конец беззаботным дням, я поступил в школу и оказался под жёстким контролем няни, которая педантично требовала выполнения всех школьных заданий. Неожиданно демобилизовали папу из-за плоскостопия и сильной близорукости, и тогда все заговорили о приближении конца войны. Было много радости и грусти, не знаю чего больше, начались разговоры о возвращении в Одессу, однако возвращение затянулось, и только через год после окончания войны мы вернулись в родной город.

Одесса встретила нас развалинами и очень дорогим хлебом. Наш двор с внутренними постройками сохранился, это был типичный одесский двор. Там были, конечно, такие же, как и я, ничем не примечательные маменькины сынки, но были и выдающиеся личности, такие как Телян Сма-

глюк и Ицък Паис. Талян был дворовым «авторитетом», от него веяло жутковатой романтикой – ходили слухи, что Талян водится с «чёрной кошкой». Так назывались многочисленные воровские шайки, оживлённо промышлявшие тогда в Одессе. Это был высокий худой парнишка лет тринадцати с удлинённой физиономией и маленькими, остро-колючими, быстро бегающими глазками. Свой авторитет он поддерживал подзатыльниками и подножками, которые мастерски раздавал дворовой детворе. Жил он в подвале вместе с матерью, мрачной худой женщиной неопределённого возраста, изредка появлявшейся во дворе, чаще в пьяном виде.

Ицък был противоположностью Таляна. Это был низкорослый для своих лет, какой-то круглый, но не толстый, очень весёлый парнишка. Он всегда восторженно, с открытым ртом, следил за всеми выходками Таляна, а тот считал его «шестёркой» и иногда использовал в своих проделках.

Меня Талян невзлюбил с первых же минут моего появления во дворе. Его явно раздражала моя благополучная внешность. При первом же знакомстве я получил от него подзатыльник и подножку одновременно. Но, так как рядом была няня, которая в то время повредила ногу и передвигалась с помощью палки, то задница Таляна немедленно познакомилась с этой палкой. Потом уже Талян подбирался ко мне осторожно, он с издёвкой картавя, предлагал мне: «Покушай кугочку, покушай булочку...», на что моя няня резонно от-

вечала, что сам он с удовольствием ел бы и курочку, и булочку, если бы ему, дураку, кто-то предложил.

Однажды Талян встал предо мной на безопасном от няни расстоянии, запрыгал на одной ноге и запел гнусавым голосом:

Жид пархатый,
Гавном напхатый,
Ниточкой зашитый,
Чтоб не был сердитый...

Он успел повторить этот куплет дважды и быстро ретировался, так как няня уже направлялась к нему. Няня тогда сказала, чтобы я не слушал этого придурка, однако песенка Таляна глубоко запала мне в душу. Единственное, что меня немного утешило тогда – няня полностью была на моей стороне. Однако, много лет спустя, когда начался массовый исход евреев из Советского Союза, я услышал, как досужие тётки на дворовой скамейке возмущались еврейским «предательством». Моя няня была среди них, и она сказала: «Та нэхай воны вжэ уси выйидуть». Мне было очень больно услышать такие слова от фактически родного человека.

Но это было потом, а тогда, озадаченный песенкой Таляна, я ничего в ней не понял. Конечно, я уже знал, что слово «жид» – обидное слово. Этим словом Талян частенько обзывал Ицыка, но Ицык обижался недолго, и снова крутился рядом. Всё остальное в этой песенке долгое время каза-

лось мне бессмысленным набором слов. Подсознательно я чувствовал, что в ней заложен какой-то смысл, тщетно стараясь этот смысл уловить. Вскоре после этого случая Талян исчез из нашего двора; из подвала их куда-то отселили.

Началась моё обучение в средней школе, поскольку начальную школу я закончил в эвакуации. Учился я неплохо, хотя в отличниках никогда не ходил. В школьные годы запоем читал художественную литературу, читал без разбора всё интересное, что попадало в руки. Можно сказать, что все свои знания я почерпнул из книжек. В школе нас воспитывали в советском духе, прививая коммунистическое мировоззрение. Тогда, в годы моей юности, я был убеждённым интернационалистом и нисколько не сомневался в том, что моё национальное происхождение никак не может повредить мне в будущем.

Наиболее отвратительные акции государственного антисемитизма тогда только начинались. Назревало «дело врачей», и в мою душу впервые закралось подозрение о том, что советское государство больше сочувствует таким как Талян, нежели таким как я. А в ушах звучала песенка Таляна. Я снова и снова повторял её слова. Мне долго казалось, что эта бессмысленная тарабарщина составлена наподобие детской считалочки, но не безобидной. И вот однажды я прочитал о еврейских погромах в Молдавии и на Украине. Сама информация о погромах меня не удивила. Поразила изощрённая жестокость погромщиков. Обвинялись боевики «чёрной

сотни» и петлюровские вояки. Кто-то из них придумал такую незамысловатую шутку. На трупах замученных евреев вспарывали животы и в образовавшуюся полость набивали дохлых мышей, дохлых крыс и тому подобное дерьмо. Трупы на обозрение волочили за лошадьми, за телегами и даже за автомобилем. И я сразу всё понял, всё встало на свои места. Оказывается, память народная сохранила эту картинку прошлого в той самой песенке, которая так долго не давала мне покоя. И эта песенка проросла в душе Таляна. Тальян спел её как мечтатель, который видит меня разрезанным, набитым говном и зашитым ниточкой. Конечно, после такой процедуры я не буду сердитым, потому что буду мёртвым.

Оставался ещё один вопрос. Оказывается, для таких людей, как Тальян, живой «жид» является «сердитым» и, следовательно, несёт какую-то опасность. Какую?! Очень многие евреи в Советском Союзе заслужили всенародную любовь, употребив свои жизни для служения людям страны, которую считали своей. Конечно, среди евреев было немало сволочей, но смею утверждать, что среди русских, украинцев, белорусов и других «братских народов» их было не меньше, а возможно и больше. Так чем же были опасны евреи для таких людей как Тальян Смаглюк? Ответа на этот вопрос у меня не было. И уже в зрелом возрасте мне рассказали анекдот, который расставил всё на свои места. Потом я много раз слышал этот анекдот, причём в каждом новом пересказе фигурировал новый герой: железная леди Маргарет Тетчер, Уин-

стон Черчилль, русский философ Бердяев. Герой анекдота спрашивал и сам себе отвечал: «Вы знаете, почему я не антисемит? Потому что не считаю себя хуже евреев». Оказывается, такие люди, как Талян Смаглюк, постоянно чувствуют свою ущербность в сравнении с евреями, и это чувство порождает в них страх и звериную злобу.

Судьба ещё раз свела меня с Таляном. Мы с одноклассниками часто бегали в соседний двор, где на расчищенной «развалке» была устроена спортивная площадка с волейбольной сеткой. Команды комплектовались стихийно, в болельщиках недостатка не было, и волейбольные сражения разгорались нешуточные. Однажды среди игроков я увидел Таляна. Он повзрослел и вытянулся, во рту у него сверкала «фикса» из белого металла, но это был всё тот же Талян. Играл он плохо, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание. На правом крае у самой сетки играл красивый, плечистый парень высокого роста. Играл результативно. И вот, когда мяч оказался у него в руках, Талян вдруг заорал: «Эй, жидёнок, пасуй мне!». Парень, не обращая внимания на этот вопль, пробил блок и, когда игра приостановилась, быстро приблизившись к Таляну, врезал ему в левый глаз. Глаз у Таляна мгновенно заплыл и стал лиловым. Талян истошно завопил, но дать сдачи не посмел, повернулся и быстрым шагом пошёл прочь. Парня предупредили, чтобы он ушёл от греха подальше, но, видимо, гордость не позволила ему сделать это, он остался. Игра продолжалась. Минут

через десять в дальнем конце двора появилась группа молодых людей и направилась к площадке. Впереди выделялся невысокий коренастый парень с толстой круглой мордой, рядом шёл Талян. Толстомордый коротко спросил: «Кто?». Талян пальцем указал на симпатичного парня. Группа подошла к парню, толчками оттеснила к стене, затем плотно окружила его и закрыла своими телами. Послышались глухие удары, но не было видно, кто бил. Так продолжалось минут пять, затем из толпы появился толстомордый и что-то скомандовал. Группа, по-прежнему плотная, отделилась и открыла парня, прислонённого спиной к стене. Вместо лица у него была красно-синяя подушка, вместо глаз – узкие щели, а из того места, где был нос, текла кровь. Группа молодых людей вместе с толстомордым и Таляном молча удалилась в том же направлении, откуда пришла. Парень, пошатываясь, пошёл прочь. Больше я никогда не видел ни этого парня, ни Таляна.

Это происшествие произвело на меня удручающее впечатление. Если бы парень своевременно покинул площадку, ничего бы не случилось, но он остался, не желая пасовать перед Таляном и его компанией даже ценой разбитой физиономии. Где-то в глубине души я его понимал, вместе с тем я впервые понял, что живу в обществе, где нечто подобное может случиться и со мной. Тогда на волейбольной площадке я испытал липкий, рабский страх – это было отвратительное чувство незащищённости. Потом я часто уговаривал себя, что с этим можно жить. Ведь ещё Фейхтвангер утверждал,

что не каждый подлец – антисемит, но каждый антисемит – подлец. А поскольку я оптимист по натуре, то успокаивал себя тем, что подлецов значительно меньше, чем порядочных людей.

Через много лет, когда еврейская община Одессы в подавляющем большинстве своём уже покинула город и разъехалась по всему миру, я по каким-то своим делам зашёл в старый одесский двор. Во дворе резвилась стайка детей, и среди них выделялся высокий паренёк лет тринадцати с удлинённой физиономией. Он поднял на меня свои нахальные глаза, и сердце моё сжалось: так он был похож на Таляна из моего детства. Мне показалось, что вот сейчас он запрыгает на одной ноге, а в ушах уже звенело:

Жид пархатый,
Гавном напхатый,
Ниточкой зашитый,
Чтоб не был сердитый...

2. Плавильный котёл

Говорят, Израиль – плавильный котёл, выплавляющий национальное самосознание. Если это так, то работу этого котла я познал на себе. Мне было тринадцать лет от роду, когда произошло чудо, и миру явился новый Израиль, восставший из пепла, как птица феникс. Мой папа, к примеру, встретил возникновение Израиля с большим энтузиазмом, однако многие люди тогда выражали сомнение, задавая чисто еврейские вопросы: «И кому это нужно? И могут ли евреи, выходцы из разных народов, ужиться в одном государстве?» По мере того, как Израиль одерживал победы одну за другой, во мне пробуждалась гордость за мой народ, однако, вопросы, услышанные в детстве, разжигали любопытство и, в конце концов, подтолкнули посетить Израиль в качестве гостя.

Под впечатлением увиденного я репатриировался, шесть лет проварился в плавильном котле израильского общества, и лишь пережив Вторую ливанскую войну, смог ответить на вопросы, услышанные в детстве.

Всё, что я увидел, погостив в Израиле, поразило меня в самое сердце. Маленькая, уютная страна прилегала к берегам трёх морей: бурного тёплого Средиземного, спокойного прохладного Красного и целебного Мёртвого. Эта страна восхищала экзотической зеленью пальм, манила тенью диковинных деревьев, утопала в диковинных цветах, рукотворных

банановых зарослях, апельсиновых рощах и мандариновых садах. Страна, в которой было всё – плодородные долины, горы, реки, пустыня Негев, удивительное Мёртвое море, в водах которого, благодаря целебным солям и минералам, можно было сидеть, стоять, лежать, не совершая никаких движений, а также Эйлат с великолепным подводным миром и его фешенебельными отелями на берегу Красного моря. В этой стране Иерусалим молился, Тель-Авив развлекался восхитительной ночной жизнью, а Хайфа работала. «Стена Плача», христианские святыни, мечеть «Аль-Акса», стены Старого Города с древними воротами – все эти свидетели седой старины гармонично сочетались с современными строениями, облицованными благородным иерусалимским камнем. Улицы и присутственные места заполняли темпераментные, общительные, доброжелательные люди в кроссовках, майках, в чёрных костюмах религиозных евреев, в шортах, джинсах и футболках, в солдатских мундирах, в строгих европейских костюмах и даже во фраках. Страдая от частых войн, эти люди, тем не менее, сохранили любовь к жизни и доброжелательность.

Удивительное впечатление оставляли маленькие симпатичные городки, коих в Израиле великое множество. В одном из таких городов я наблюдал ежегодный фестиваль, где молодёжь буйствовала в танцах еврейских, клезмерских и хасидских, исполняла танцы народов мира, танцы детские, бальные и даже трогательные танцы медсестёр с инвали-

дами в колясках. Всё это ласкало глаза и уши, наполняло душу жизнеутверждающей энергией. Паузы между танцами заполняли выступления лучших певцов чудесных израильских песен. Как восточные сладости в восточных ритмах, – в них были замешаны мелодии испанские, итальянские, греческие, йеменские, марокканские, румынские и даже советские. Песни эти вовсе не напоминали грустные мелодии Стемпеню и Йоселе Соловья, персонажей Шолом-Алейхема, это были песни и танцы свободного народа.

Очарованный, я репатриировался, и, как говорят в Израиле, погрузился в «абсорбцию». Абсорбция – физический термин, означающий поглощение. Не знаю, как нас «поглощали», но с первых же шагов я ощутил на себе социальные проблемы. Из всех сил старался трудоустроиться по своей специальности, но все усилия оказались тщетными. И я, кандидат технических наук, инженер с богатым творческим и научным опытом в области оборонной промышленности, вынужден был жить на пособие по старости, довольствуясь дополнительным заработком по уходу за престарелыми больными людьми. В этом я был не одинок. Десятки тысяч бывших педагогов, музыкантов, артистов, инженеров, врачей трудились уборщиками улиц, мусорщиками, охранниками, уборщиками помещений, санитарями по уходу за больными и престарелыми. Однако, молодые представители русскоязычной общины шаг за шагом добивались значительных успехов, проникали во все поры общества, занимали пре-

стижные посты, выдвинули из своей среды ряд влиятельных русскоязычных политиков. И, вместе с тем, они не забывали русскую культуру, издавали около полусотни русскоязычных газет и журналов, имели свой русскоязычный телевизионный канал.

Очень многие люди в Израиле, особенно старожилы, относились к успехам «русских» с неприятием, порождая серьёзные этнические противоречия. В связи с этим вспоминаю об «антирусских» высказываниях поэтессы Далии Равикович, возмутивших общество до такой степени, что парламентская комиссия по алие и абсорбции посвятила специальное заседание данному феномену. Из репортажа Евгении Кравчик с заседания этой комиссии следует, что Равикович потребовала не предоставлять репатриантам избирательного права до тех пор, пока новоприбывшие не сдадут экзамен по ивриту и истории Израиля. Высказывания Далии Равикович были восприняты как акт патернализма: мол, мы – представители старого ишува – хозяева Израиля, и мы должны научить репатриантов уму-разуму. Равикович разъяснила, что она недовольна психологическим портретом выходцев из России, воспитанных Советским Союзом в духе поклонения культу силы, недовольна стереотипом, определяющим преимущественно правые и крайне правые взгляды «русских». Все эти высказывания маститой поэтессы довольно точно отражают настроение старожилов в Израиле и дают яркое представление о характере этнических про-

тиворечий между представителями русскоязычной общины с одной стороны и сабрами с другой.

Этнические противоречия между «русскими» и «марокканцами» принимали порой ещё более острые формы. Вспоминаю один вопиющий случай, когда произошло убийство, но следователи так и не обнаружили виновного. Русскоязычный израильский солдат Ян Шапшович с братом сидели в кафе и разговаривали по-русски. Рядом сидела компания выходцев из Марокко, которым это не понравилось. Вспыхнула драка, во время которой Ян был убит ножом в сердце, но при этом не оказалось свидетелей, видевших убийцу. Конечно, это случай исключительный, но, тем не менее, ругательство «вонючий марокканец» в ответ на обращение «грязный русский» – можно услышать довольно часто.

Серьёзные этнические противоречия порождаются также негативным отношением религиозных ортодоксов к русскоязычной общине в целом. Происходит это оттого, что каждый третий «русский» не является евреем по Галахе. Поэтому религиозные ортодоксы называют нашу общину «гойской» и используют своё немалое политическое влияние, дабы создавать проблемы русскоязычным израильтянам в оформлении межнациональных браков.

Не менее остро, чем этнические противоречия, кипели политические страсти. В связи с этим вспоминаю о трагическом конце Арика Шарона. Того самого Шарона, который во главе танковой бригады преследовал египтян до Суэцкого

канала; который ушёл из армии в политику, был министром строительства, министром обороны, министром иностранных дел, и, наконец, стал премьер-министром. Своё восхождение к креслу премьера Арик начал с восхождения на Храмовую гору. Многие тогда говорили, что он спровоцировал интифаду «Аль-Акса», однако, как потом выяснилось, Ясер Арафат давно готовил вооружённое восстание, и демонстрация Шарона послужила лишь поводом. Став премьер-министром, Арик Шарон объявил фигуру Ясера Арафата нерелевантной, применил тактику «точечных ликвидаций», начал строительство забора безопасности вдоль «зелёной черты» и добился успеха в борьбе с террором и интифадой. Когда же интифада утихла, «ястреб» Шарон неожиданно превратился в «голубя мира» и предложил свой план «одностороннего размежевания». Были проведены учения, была назначена дата операции, машина была запущена, и уже ничто не могло её остановить. И тогда в июле 2005 г. на старом кладбище Рош-Пины в полночь собрались двадцать мужей-каббалистов. Они выполнили религиозный обряд «пульса денура» («удар огнём» – в переводе с арамейского). По словам каббалистов, они лишь обратились к Всевышнему, дабы Он ускорил свой гнев против человека, несущего опасность жизни евреев.

От дальнейших событий моё еврейское сердце больно сжималось. С 17 по 23 августа 2005 года перед ошеломленными телезрителями Израиля и всего мира промелькнули

душераздирающие картины насильственного выселения евреев из их прекрасных домов в Газе и северной Самарии. Более тридцати лет евреи возводили дома и превращали эти места в цветущий сад. Их выводили семьями, усаживали в автобусы и увозили. Одна женщина нашла жёлтые шестиконечные звёзды на рубашки всем своим многочисленным детям, и, когда выводили детей, получилось жуткое зрелище, напомнившее времена Холокоста. Слава Богу, обошлось без жертв и гражданской войны. Хвала Всевышнему и мудрости еврейского народа! Армия и полиция проявили чудеса деликатности и корректности при эвакуации людей. Затем вывезли домашний скарб и разрушили все дома. Однако оставили нетронутыми все синагоги.

Утром 12 сентября 2005 года армия Израиля покинула сектор Газа. Практически одновременно в бывшие еврейские поселения хлынули толпы палестинцев. Палестинская полиция оказалась беспомощной и присоединилась к беснующейся толпе. Палестинцы увидели разрушенные дома и гордо возвышавшиеся синагоги с символами иудаики; они осквернили их, разрушили и подожгли. А в ночь с 4 на 5 января 2006 года обширный инсульт разбил Арика Шарона, и он уже не оправился. На то была воля Всевышнего! За всю свою героическую жизнь истинно национального лидера Арик Шарон совершил только одно деяние, которое могло прогневить Всевышнего, а именно: выкорчевал евреев с их прекрасными домами в Газе! Неужели Бог Израиля

услышал молитву двадцати мужей-каббалистов и обрушил свой гнев на человека, навредившего евреям и Израилю?! Возможно.

Таким был этот плавильный котёл, бурлящий социальными, этническими, политическими противоречиями, где сам собой напрашивался вопрос: как долго может существовать общество, напоминающее кипящий котёл под высоким давлением? Враги Израиля отвечали на этот вопрос вполне определённо: разношёрстные евреи, приехавшие из разных стран, рано или поздно уничтожат, съедят друг друга.

Седьмой год я варился в этом котле, когда неожиданно началась вторая ливанская война. Провокации «Хизбаллы» тогда были обыденным явлением, и Израиль вяло реагировал на них. Но когда ливанские боевики захватили Эхуда Гольдвасера и Эльдада Рэгева, Израиль мгновенно отреагировал блокадой Ливана и бомбёжками Бейрута. «Хизбалла» ответила ракетными обстрелами северных городов Израиля. В первый же день войны произошло удивительное явление. Устами главы оппозиции в Кнессете был объявлен мораторий на политическую борьбу. Вместо нападок друг на друга политики соревновались в поездках по северным городам для поддержки населения, оказавшегося под обстрелом. Бравый лётчик Дан Халуц, возглавлявший тогда Генеральный штаб армии, был уверен, что авиация решает всё, поэтому он и находившийся под его влиянием премьер Эхуд Ольмерт медлили с началом наземной операции. Люди в се-

верных городах страдали от потери близких, от разрушений, от бесконечного сидения в бомбоубежищах, от нервного напряжения и завывания сирен, а в общественной жизни произошла ещё одна удивительная перемена. Социальные противоречия сгладились. Прекратились митинги, демонстрации, забастовки. Многие представители среднего класса, жившие в центральных районах Израиля, приглашали малоимущие семьи бесплатно пожить у них и переждать обстрелы.

А тем временем активизировалась мировая дипломатия. Соединённые Штаты инициировали в ООН резолюцию о прекращении огня, с которой «Хизбалла» охотно согласилась. И тогда Ольмерт и Халуц вынуждены были начать наземную операцию, дабы оттеснить боевиков и передать Южный Ливан международным силам. Уже почти месяц продолжалась война, оставалось лишь несколько дней до её конца, и этого времени было явно недостаточно для выполнения успешной наземной операции. Но произошло ещё одно удивительное явление. Бригады спецназа и резервисты выкорчевали боевиков из подземных бункеров в деревнях Южного Ливана. Времени для выполнения поставленной задачи не оставалось, солдаты спешили и поэтому несли неоправданные потери. Но, несмотря на потери, на бешеное сопротивление боевиков, на плохую подготовку и плохое снабжение, несмотря на противоречивые приказы высшего командования, наши солдаты шли вперёд и в течение нескольких

дней, оставшихся до прекращения огня, заняли весь Южный Ливан вплоть до реки Литани. Эти ребята – сабры, ашкеназы, «марокканцы», «эфиопы» и «русские», – у которых из головы мгновенно выветрились все межэтнические глупости, прикрывали спины друг друга, поддерживали друг друга, рисковали своей жизнью, дабы уберечь друг друга. А «русская» медсестра тащила на себе из-под огня раненого солдата, не думая при этом ни о своей жизни, ни о том, кто это – сабра, ашкеназ, «марокканец» или эфиоп, – а лишь о том, что это наш солдат, которому нужна помощь.

Ещё более удивительными были заявления в прессе измученных обстрелами жителей северных городов. Они уверяли, что готовы ещё потерпеть, дабы солдаты успели крепче ударить по врагу. Однако наступило прекращение огня, Вторая ливанская война закончилась, и ни одна из задач, заявленных правительством, не была решена. Но был, однако, в этой войне один положительный результат. Израиль оттеснил «Хизбаллу», передал Южный Ливан международным силам, и провокации на северной границе прекратились. Кроме того, – и это, на мой взгляд, главное, – израильское общество показало своим врагам удивительную способность приостанавливать кипение внутренних противоречий и ошестиниваться штыками в минуту внешней опасности. Проявилась удивительная жизнестойкость народа, который почувствовал – как это важно иметь возможность защищать себя с оружием в руках.

Наконец-то я смог ответить на вопросы, мучившие меня так долго. Оказалось, что еврейское государство необходимо тем евреям, которым надоела рабская жизнь в галуте, где они терпели оскорбления и часто опасались за свою жизнь. Израиль нужен тем евреям, которые почувствовали, что это единственная в мире страна, где евреи могут защитить себя и своё человеческое достоинство с оружием в руках. Суровая жизнь в Израиле доказала, что евреи с различным менталитетом могут построить для себя жизнеспособное государство, поскольку в минуту опасности перед лицом общего врага из еврейских голов мгновенно выветриваются все межэтнические глупости, и они прикрывают спины друг друга, поддерживают друг друга, рискуют своей жизнью, сохраняя друг друга.

3. Тяжкий грех евреев

Римский полководец Веспасиан со своими легионами ещё не подступил к стенам Иерусалима, когда солдаты Иоанна Гисхальского (Йоханана бен Леви) сотворили тяжкий грех в стенах Второго Храма. Второй Храм, самое священное место всех евреев, был осквернён, и поэтому Всесильный надолго отвернулся и от Второго Храма и от своего народа. Римляне разрушили Иерусалим, разрушили и сожгли Второй Храм, евреи же были рассеяны среди других народов мира. Почти два тысячелетия жили они в галуте, пережив унижения, геноцид и, наконец, Холокост, унёсший шесть миллионов еврейских жизней.

Чтобы оценить в полной мере тяжесть грехопадения, вспомним, как создавался Второй Храм. Известно, что Первый Храм постигла страшная участь, всё в нём выгорело в огне, зажжённом слугами Навуходоносора. Уцелели лишь те сосуды и украшения, которые были взяты ассирийцами в качестве добычи, ковчег же откровения Всевышнего пропал бесследно. Народ Израиля большей частью был переселён в Ассирию, и только через семьдесят лет после разрушения Первого Храма, как гласит предание, возбудил Всесильный дух Кира, царя Персидского, и тот объявил, что Бог небесный повелел ему строить Второй Храм в Иерусалиме, и что пленные евреи, кто этого хочет, могут идти в Иеруса-

лим и строить свой храм.

Всё общество сынов Израиля, которое поднялось, состояло из сорока двух тысяч трёхсот шестидесяти человек. Отдал им Царь Кир все сосуды и украшения Первого Храма, которые взял Навуходоносор. Вышедшие из плена на второй год положили начало строительным работам, и когда заложили основание храма, многие из левитов и глав поколений, то есть старики, которые видели прежний храм, громко плакали, а многие восклицали от радости, и невозможно было отличить восклицаний радости от воплей плача народного. К третьему дню месяца адар, в шестой год царствования царя Дария, окончен был Второй Храм, и сыны Израиля, священники и левиты, освятили его с радостью и начали богослужение как предписано в Книге.

Богослужение в храме продолжалось много лет, – и когда Александр Македонский, разбив царя Дария, овладел Вавилоном, и после смерти Александра Македонского, когда цари из греческих династий Селевкидов и Птолемеев воевали между собой за обладание землёй Израиля. Так было до того дня, когда царь Антиох из династии Селевкидов взял приступом Иерусалим, разрешил солдатам беспрепятственно грабить, лично ограбил храм и остановил в нём ежедневные жертвоприношения. Антиох, однако, не довольствовался покорением города. Обуреваемый своими необузданными страстями и воспоминаниями о трудностях иерусалимской осады, он принуждал иудеев, вопреки их зако-

нам, оставлять детей необрезанными и приносить в жертву свиней. Никто не повиновался этому приказу, и многие были казнены за это. Назначенный Антиохом начальник гарнизона Бакхид, присоединил к безбожным распоряжениям царя ещё и собственную природную свирепость. Он перешёл всякую меру беззакония: самые видные граждане один за другим были замучены, и глазам всего народа ежедневно представала картина покорённого Иерусалима. Своими неслыханными жестокостями Бакхид довёл угнетённый народ до восстания. Началось оно с того, что Маттафия, сын Хасмоная, один из когенов селения Модиин, вооружился сам, вооружил пять сыновей своих, и кинжалом заколол Бакхида. В первое мгновение он, из боязни перед многочисленным гарнизоном, бежал в горы, но когда к нему присоединилось множество народа, воспрянул духом, спустился вниз, победил в решительном сражении и изгнал военачальников Антиоха из Иудеи.

Боевые успехи доставили ему власть. Как освободитель Иудеи он всенародно был избран её главою, после чего вскоре умер, оставив власть старшему сыну Иуде, по прозвищу Маккавей. Зная, что Антиох не вынесет переворота спокойно, Иуда набрал войско из своих соплеменников, заключил союз с римлянами, и, при вторичном вторжении Антиоха, отбил его. Воодушевлённый победой, Иуда бросился на находившийся в городе гарнизон, выгнал солдат из города, овладел храмом, очистил весь двор, окружил его стеной,

заменял прежнюю осквернённую утварь новой, воздвигнул новый жертвенник и, по окончании всех этих работ, возобновил в храме порядок жертвоприношений. В честь очищения храма и его торжественного освящения появился праздник «Ханука» – обновление.

Много лет спустя царь Ирод, на пятнадцатом году своего царствования, перестроил Второй Храм, расширив место храма и окружив его стеной, – всё с невероятными затратами, с беспрецедентной роскошью и великолепием. Об этой роскоши свидетельствовали большие галереи вокруг храма и цитадель, возвышавшаяся на севере. Цитадель с огромными затратами он перестроил наподобие дворца и назвал её Антонией. Изобилие денежных средств и рвение народа ускоряли ход работ, и, благодаря этой неослабной настойчивости, с течением времени было возведено сооружение, которое не надеялись когда-либо закончить.

Здание Второго Храма было построено по образу и подобию Первого Храма, но оно было значительно больше по размерам. Здание имело как в высоту, так и в длину, около сорока пяти метров, ширина впереди была примерно двадцать семь метров, задняя же часть была на восемнадцать метров уже, ибо впереди с обеих сторон выступали два крыла, каждое по девять метров. Передние ворота храма не имели дверей. Над передними воротами располагались золотые виноградные лозы, от которых свешивались кисти в человеческий рост. Лицевая сторона этих ворот была вся покры-

та золотом, и через них виднелась вся внутренность первого большого отделения храма. В первом отделении всё вокруг блистало золотом.

Внутреннее отделение было ниже первого. В него вели золотые двери, над которыми свешивался вавилонский занавес, пёстро вышитый из гиацинта, виссона, шарлаха, пурпура, и поражавший глаз замечательной смесью тканей. Этот занавес служил символом вселенной. Шарлах обозначал огонь, виссон – землю, гиацинт – воздух, а пурпур – море. Упомянутые золотые двери вели во внутреннее отделение храмового здания, которое было разделено на две части. Передняя из них, отгороженная от второй на расстоянии восемнадцати метров, содержала в себе три всемирно известных произведения искусства – светильник, стол и жертвенник для воскурений. Семь лампад светильника обозначали семь планет, двенадцать хлебов на столе – зодиак и год, курильница, наполненная тринадцати родов курительными веществами, взятыми из моря, необитаемых пустынь и обитаемой земли, напоминала о том, что всё исходит от Бога и Богу принадлежит. Задняя часть внутреннего отделения храма была закрыта занавесом. Здесь собственно ничего не было, лишь на месте, где должен был стоять Ковчег откровения Всевышнего, лежал камень. Это помещение оставалось закрытым и незримым для всех, и называлось «Святая Святых». Между передней частью и «Святая Святых» располагались каменная ограда вышиною чуть больше метра, и че-

тырнадцать ступеней, ведущих в заднюю часть храма.

В крыльях по бокам храма находились многочисленные трёхэтажные жилища, которые с обеих сторон были доступны через особые входы. Верхнее отделение храма имело высоту почти восемнадцать метров, и было проще отделано. Если прибавить к двадцати семи метрам высоты внутреннего отделения упомянутые восемнадцать, то получится в целом высота храма в сорок пять метров. Внешний вид храма представлял всё, что только могло восхищать глаза и душу. Покрытый со всех сторон тяжёлыми листами золота, он блистал на утреннем солнце ярким ослепительным блеском.

Перед храмом стоял жертвенник всесожжения, и с юга к нему вела слегка поднимавшаяся терраса. Храм вместе с жертвенником были окружены решёткой около полуметра вышины, которая отделяла священников от мирян. С трёх сторон храмового двора – с севера, юга и востока – возвышались галереи, построенные Иродом. Галереи на севере примыкали к цитадели под названием Антония, а на западе упирались в глухую стену. Так выглядело это священное место, почитаемое всеми евреями, и ничто не предвещало, что вскоре на этом месте разыграется великая трагедия.

Как же так получилось, что сыны Израиля свершили тяжкий грех, осквернив столь прекрасное, столь священное место, учинив здесь междоусобное побоище, и залив внутренний двор храма братской кровью?! Чтобы понять, необходимо вспомнить, кем были действующие лица этой великой

трагедии.

Во времена Копония, первого римского прокуратора Иудеи, известный галилеянин по имени Иуда объявил позором то, что иудеи мирятся с положением римских данников и признают своими владыками, кроме Бога, ещё и смертных людей. Он основал особую секту под названием зелоты. Зелоты, выступая ревнителями веры, признавали своим господином лишь Бога. Социальную базу секты составляли разорившиеся крестьяне, ремесленники, торговцы, которые стремились к освобождению от римского гнёта и господства местной знати, которая поддерживала римское владычество. Зелоты хотели восстановить самостоятельность Иудеи путём вооружённой борьбы.

Позднее в Иерусалиме образовалась шайка разбойников, получившая название сикарии. Сикарии (от латинского слова *sica* – кинжал) – радикальная политическая группировка, вначале, вероятно, состоявшая из зелотов. Сикарии выступали против римского владычества и иудейской знати. Они разоряли дворцы аристократов, захватывали имущество богачей, провозглашали свободу рабам, уничтожали долговые записки, выступали против существовавших порядков. Основную массу сикариев составляли социальные низы, в том числе и рабы. Главной формой их борьбы было вооружённое восстание, но широко использовался и индивидуальный террор. Они убивали людей среди белого дня, смешавшись с толпой, они закалывали своих врагов скрытыми под

платьем кинжалами. Первый, кто таким способом был заколот, – первосвященник Йонатан. Убийства совершались ежедневно, и паника, воцарившаяся в городе, была ужасна, ибо всякий ожидал своей смерти ежеминутно. Уже издали остерегались врага, не верили даже друзьям, однако, несмотря на такую подозрительность и осмотрительность, убийства по-прежнему продолжались. Так велика была ловкость и сила тайных убийц.

Иоанн Гисхальский (Йоханан бен Леви) – коварнейший из влиятельных людей, который в то время не имел себе равных в политике. Вначале он был беден, но зато всегда был готов солгать и в совершенстве владел искусством делать свою ложь правдоподобной, обман он считал добродетелью, пользовался им против врагов и даже против лучших друзей своих. Он притворялся человеколюбивым, но в действительности был до крайности кровожаден из властолюбия. Всегда он носился с высокими планами, и строил их на хитроумных интригах. Начав свою карьеру с обыкновенного разбойника, он вскоре нашёл себе товарищей, не уступавших ему в смелости, сначала немногих, а с течением времени всё больше. Он не принимал ни одного, которого можно было легко побороть, а выбирал себе исключительно людей, отличавшихся крепким телосложением, решимостью и военной опытностью. Так довёл он свой отряд до четырёхсот человек. Он мечтал уже о том, чтобы сделаться полководцем и носился с ещё более широкими планами, только недостаток денег

мешал их осуществлению. Когда Гисхала (Гуш Халав) была осаждена римлянами, Иоанн Гисхальский сплотил вокруг себя zelотов и организовал оборону родного города. Гисхала устояла. Когда же римляне отступили, он во главе многочисленных своих сторонников направился в Иерусалим, где заручился поддержкой сикариев и вскоре сделался всемогущим.

Шимон бен Гиора, уроженец Геразы, – молодой человек, который уступал Иоанну Гисхальскому в хитрости, но превосходил его телесной силой и безумной отвагой. За своеволие и неукротимый нрав первосвященник изгнал его из Акратской топархии, где он главенствовал, после чего Шимон присоединился к сикариям, занимавшим Масаду. Но он стремился к власти и жаждал крупных подвигов, а потому, как только услышал о смерти первосвященника Йонатана, расстался с сикариями, отправился в горы, через глашатаев пообещал рабам свободу, свободным вознаграждение, и, таким образом, собрал вокруг себя разных людей со всех сторон. Имея уже сильный отряд, он грабил деревни в горах, но когда у него собралось много людей, отважился спуститься в долину. Теперь он сделался опасным и для городов. Многие из знатных людей, привлекаемые его могуществом и успехами, стекались к нему, и в его войске было немало граждан, повиновавшихся ему как царю. Ясно было, что пробные походы и другие приготовления Шимона ведут к экспедиции против Иерусалима, поэтому, опасаясь

изменнического нападения, zeloty, властвовавшие в городе, решили опередить человека, возрастающее могущество которого сделалось для них угрожающим. В большом числе выступили они ему навстречу, но Шимон принял сражение, многих из своих противников уничтожил, а остальных загнал обратно в город.

Элиезер – один из zelotov, как бы из негодования против жестокостей, совершаемых Иоанном, поднял бунт против него. В действительности же ему было невыносимо подчиняться тирану, и он сам помышлял о единовластии. Этот Элиезер основал отдельную партию, заручившись поддержкой состоятельных горожан и влиятельных лиц, каждый из которых увлекал за собою немалое количество zelotov. Группировка zelotov с Элиезером во главе напала на сикариев во время богослужения в Храме. В бою погибло множество сикариев, пал их вождь Менахем, проявивший до этого непомерные царские амбиции. Так сыны Израиля впервые пролили в Храме братскую кровь. Затем люди Элиезера заняли крышу Храма и над священными воротами, над «Святая Святых», водрузили своё оружие. Обилие жизненных припасов укрепляло их дух, ибо жертвенные даяния молящихся доставляли избыток во всём этим людям, считавшим, что им дозволено всё. Они были озабочены малочисленностью своих сил, и потому сложили своё оружие на самом высоком месте.

Преследуя Элиезера, Иоанн занял двор Храма. Численное

превосходство солдат Иоанна над людьми Элиезера терялось из-за позиции, которую он занимал, ибо враги стояли над его головой. Однако ожесточение не давало ему покоя, и, терпя больше вреда, чем сам причинял Элиезеру, он всё-таки не переставал нападать. Беспрестанно повторялись вылазки, и перестрелка продолжалась непрерывно. Все места Храма были осквернены убийствами.

Шимон бен Гиора, которого народ в своём отчаянии тогда призвал на помощь и впустил в город, взял в свои руки Верхний город и большую часть Нижнего города. Он напирал теперь на людей Иоанна и производил свои нападения на Храмовую гору снизу, находясь по отношению к Иоанну в таком же положении, в каком последний находился по отношению к солдатам Элиезера. Иоанн, теснимый с двух сторон, также легко терпел потери, как легко наносил их сам. Ибо насколько он, благодаря своей позиции, был сильнее Шимона, настолько же он был слабее Элиезера. Нападения снизу он мог легко отражать руками, против тех же, которые сражались с высоты храма, он защищался машинами. В его распоряжении находилось немало катапульта и других метательных машин, которыми он не только поражал врагов, но и убивал многих, приносивших жертвы. Надо сказать, что хотя zeloty в своём безумии позволяли себе всякие бесчинства, всё же они впускали в храм желающих жертвовать, ограничиваясь лишь обыском последних. Но, как только посетители и паломники своими просьбами обезоруживали их жесто-

косердие и вступали в Храм, то здесь они падали жертвами царившей междоусобицы, ибо стрелы силой машин долетали до жертвенника и поражали священников и паломников. Многие, пришедшие из дальних стран ко всемирно известному и священному для них месту, падали рядом со своими жертвами, и своей кровью смачивали жертвенник. Тела священников и паломников лежали, смешавшись между собой, и их кровь образовала в пределах святилища настоящее озеро. Иерусалим уже не мог быть Божиим городом после того, как он сделался могилой своих собственных граждан, когда Храм превратился в кладбище для жертв, павших в междоусобной борьбе.

Вскоре Иоанн Гисхальский хитростью выманил и уничтожил Элиезера вместе со всеми его людьми, затем договорился с Шимоном о прекращении распрей, и они вместе выступили на защиту Иерусалима от римлян, подступивших к городу. Они храбро сражались, но все их усилия оказались тщетными. Римляне сожгли город и храм, разрушив всё до основания. Затем последовало арабское нашествие, крестовые походы, евреи были окончательно рассеяны среди других народов мира, и в течение многих веков переживали гонения и геноцид. Наконец, разразилась Катастрофа европейского еврейства, поглотившая шесть миллионов еврейских жизней. Такова была расплата за тяжкий грех. И лишь после всего этого Всевышний вспомнил о своём народе, явив миру новый Израиль, возникший из пепла. Мож-

но себе представить, как вопиют души евреев, погибших во Втором Храме, к душам евреев, живущих ныне в Израиле: «Евреи! Остерегайтесь междоусобицы на Святой Земле! Ибо, если еврей поднимет руку на еврея, Всесильный в гневе отвернётся от своего народа, и новые страшные беды настигнут нас».

4. Нация

Значение этого слова трудно объяснить, но если предположить, что нация – это некое единение народа, прочность которого определяется долголетием его существования, то евреи – самая прочная нация в мире. Действительно, история евреев насчитывает около четырёх тысяч лет, на протяжении которых их страстно желали уничтожить могущественные враги. Навуходоносор сжёг Иерусалим вместе с Первым храмом и увёл в Ассирийский плен десять колен израилевых. Римляне сожгли отстроенный Иерусалим вместе со Вторым храмом и рассеяли евреев среди других народов мира. Крестоносцы, согласно летописям того времени, сказали: «Вот мы двинулись в путь, дабы покарать сынов Измаила. Но разве здесь, среди нас, не живут те самые иудеи, отцы которых распяли Господа нашего? Покараем сначала их. Если они и дальше будут упорствовать и не признавать за мессию Иисуса, вытравим с корнем семя иудово». С тех пор не прекращались еврейские погромы. А Гитлер со своими подручными, используя современные ему технологии, организовал поточное производство смерти и загубил шесть миллионов еврейских душ. Тем не менее, самобытная нация евреев, на злобу всем врагам своим, и сегодня живёт всех живых! Какая же чудесная сила помогала евреям выжить и оставаться людьми в ужасающих условиях галута?

Фейхтвангер писал, что в галуте были угнетённые, бесправные, нищие евреи немецких гетто, была, втопанная в грязь, чернь еврейских местечек в Польше, был еврей-разносчик, которого травили собаками, преследовали гнусными издевательствами уличные мальчишки и полицейские. Были также немногочисленные и могущественные, горделивые евреи больших приморских городов, державшие в руках торговые пути Европы и Нового Света, вершившие у себя в конторах дела мира и войны. И у всех этих евреев в крови, в тайниках души жило глубокое, затаённое, твёрдое сознание бессмыслицы, непостоянства и тщеты власти. Они познали, что сила и смысл не в том, чтобы властвовать. Разве не крушат друг друга всемогущие гиганты мира сего? Они же, бессильные евреи, дали миру свой облик. Именно оно, это затаённое знание, сливало евреев воедино и помогало выживать в самых нечеловеческих условиях. В нём, в этом затаённом знании была суть Книги. Да, Книги, их Книги. У них не было ни государства, объединяющего их, ни страны, ни земли, ни короля. И если они всё же были слиты воедино, крепче слиты, чем все другие народы мира, то спаяла их Книга. Многолик мир, но всё в нём суета и томление духа, един же и велик Бог Израиля, предвечный, всевидящий Иегова. Сквозь тысячелетия галута пронесли они с собой Книгу. Она была им народом, государством, родиной, наследием и владением. Они показали её народам мира, и все народы склонились пред ней. Но лишь им, им одним, дано было владеть,

исповедовать и хранить её. Каждая буква Книги была исчислена и изучена, проверена и взвешена. Каждая буква оплачена кровью, тысячи людей пошли на муки и смерть за каждую букву. И Книга стала их собственностью. У себя в синагогах и тайных молельнях они ежегодно перечитывали её и провозглашали: ничего у нас нет, кроме Книги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.